

УДК 821.511.142

DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-4-670-676

Жанр элегии в хантыйской поэзии

Е. В. Косинцева

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
Kosintseva_elena@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья входит в комплекс исследований жанровой специфики хантыйской литературы. В работе актуализированы жанровые особенности элегии в творческом наследии хантыйских поэтов.

Цель: выявить своеобразие произведений элегического жанра в творчестве двух хантыйских поэтов Р. П. Ругина и М. И. Новьюхова.

Материалы исследования: произведения элегического жанра из книг Р. П. Ругина «Избранные стихотворения» и М. И. Новьюхова «С надеждой на счастье».

Результаты и научная новизна. В статье впервые анализируются произведения элегического жанра в творчестве двух хантыйских поэтов Р. П. Ругина и М. И. Новьюхова. Анализ художественных текстов показал, что поэты по-разному работают с жанром: Р. П. Ругин следует традициям элегического жанра, а М. И. Новьюхов отступает от традиций жанра и уходит в стихотворения с элегическими мотивами. Оба поэта обращались к образу паруса, используя его для создания элегического настроения в художественных текстах. Р. П. Ругин элегические настроения усиливает мотивами воспоминания или прощания, М. И. Новьюхов же прибегает к мотивам памяти и одиночества. Они сосредоточились на единой пространственной схеме – «прошлое – настоящее». Отметим, что трагические события в личной жизни М. И. Новьюхова способствовали появлению лирического героя, воспринимающего мир сквозь призму разочарования, печали, горечи, несправедливости.

Ключевые слова: хантыйская литература, жанр, элегия, Р. П. Ругин, М. И. Новьюхов

Для цитирования: Косинцева Е. В. Жанр элегии в хантыйской поэзии // Вестник угроведения. 2021. Т. 12, № 4 (51). С. 670–676.

The genre of elegy in Khanty poetry

E.V. Kosintseva

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
Kosintseva_elena@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is a part of a complex of studies of the genre specifics of Khanty literature. The work actualizes the genre features of elegy in the creative heritage of the Khanty poets.

Objective: to reveal the originality of the works of the elegiac genre in the works of two Khanty poets R. P. Rugin and M. I. Novjuchov.

Research materials: works of the elegiac genre from the books by R. P. Rugin “Selected Poems” and M. I. Novjuchov “With Hope for Happiness”.

Results and novelty of the research: the article analyzes for the first time the works of the elegiac genre in the works of two Khanty poets R. P. Rugin and M. I. Novjuchov. The analysis of literary texts has showed that poets work with the genre in different ways: R. P. Rugin follows the traditions of the elegiac genre, and M. I. Novjuchov departs from the traditions of the genre and goes into poems with elegiac motifs. Both poets turned to the image of a sail, using it to create an elegiac mood in artistic texts. R. P. Rugin enhances elegiac moods by motifs of memory or parting. M. I. Novjuchov resorts to motifs of memory and loneliness. Poets focused on a single spatial scheme – “the past – the present”. It should be noted that the tragic events in the personal life of M. I. Novjuchov contributed to the emergence of a lyrical hero who perceives the world through the prism of disappointment, sadness, bitterness, injustice.

Key words: Khanty literature, genre, elegy, R. P. Rugin, M. I. Novjuchov

For citation: Kosintseva E. V. The genre of elegy in Khanty poetry // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 12 (4/51): 670–676.

Введение

Вопрос жанровой специфики хантыйской литературы актуализирует одну из важных проблем современного литературоведения – проблему жанровой формы. Мы уже отмечали, что жанровая система хантыйской литературы до последнего времени не становилась предметом специального углублённого изучения учёными. Вместе с тем художественная словесность ханты представляет богатую палитру жанровых форм [9; 10; 11]. Одной из них является элегия.

История элегии насчитывает не одно столетие. Как известно, элегия – самый распространённый лирический жанр эпохи романтизма. Современная иллюстрированная энциклопедия «Литература и язык» поясняет, что элегия – «это медитативный вид лирики, в котором описание идеального пейзажа или рассуждение лирического героя (в форме первого лица) выражает сентиментальный взгляд на сущность человеческих отношений или природу поэтического творчества, на судьбу человека вообще, мироустройство или устройство общества» [12].

Неудивительно, что этот лирический жанр привлекает внимание учёных, которые рассматривают его как феномен жанровой формы в творчестве того или иного писателя [1; 4; 6; 22; 25], как знаковое явление эпохи [3; 8; 17; 23; 24], дают трактовки возможных прочтений авторских элегий [2; 26], осмысливают сквозь элегию духовное состояние общества [5], раскрывают связь жанра с элегическим модусом [18], анализируют виды элегий [7, 13, 20, 21], проводят сравнительные исследования жанра в разных национальных традициях [19].

Несмотря на то, что в науке сформировались представления о специфике элегии, сегодня является актуальным осмысление её жанровых особенностей и характера их трансформаций в творческой практике финно-угорских авторов.

В данной статье рассматривается своеобразие жанра элегии в творческом наследии хантыйских поэтов Романа Прокопьевича Ругина (1939–2016) и Матвея Ивановича Новыхова (1928–1992).

Материалы и методы

Материалом исследования послужили элегии Р. П. Ругина из книги «Избранные стихи» (2004) и М. И. Новыхова, вошедшие в книгу «С надеждой на счастье» (2012).

В работе использованы современные подходы к литературоведческому анализу художе-

ственного текста, сравнительно-исторический, типологический, социокультурный методы.

Результаты

Будучи динамическим жанром, элегия существенно различается в разные исторические эпохи и в разных национальных традициях. Впервые о жанре элегии в хантыйской литературе заговорил Е. С. Роговер в книге «Изучение творчества Р. П. Ругина в школе» (2003). Анализируя наследие хантыйского поэта, учёный подчеркнул «связь Ругина с классической традицией» через обращение к жанру элегии. Он выделил произведение «Элегия» и рекомендовал его для изучения в 9 классе. Рассматривая текст Р. П. Ругина, Е. С. Роговер проводит параллели с творчеством М. Ю. Лермонтова: «Читатель не только вспоминает тему паруса в стихотворении М. Ю. Лермонтова, но и размышления русского поэта о кинжале, былом боевом оружии, ставшем бесполезной игрушкой, и о поэте, который оказался осмеянным, как и Пророк» [15, 111].

Действительно, среди поэтического наследия хантыйского поэта выделяется произведение, жанр которого указан в названии – «Элегия». Перевод стихотворения на русский язык выполнил И. Фояков. Главным героем текста, состоящего из шести катренов, становится парус, брошенный и забытый в амбаре. В первых двух катренах поэт сравнивает со старостью состояние использованной вещи: «Гниёт на полу он, от времени старясь. / Насквозь его кромки прогрызли мышата» [16, 181], которая вызывает чувство жалости. Пятый катрен уточняет картину снов властителя ветра и волн:

Ведь парусу снятся и ветры, и грозы,
Высокие волны, раскатыстый гром,
И рыбы чешуйки, как светлые слёзы,
Ещё до сих пор серебрятся на нём. [16, 182]

Однако третья и четвёртая строфы полны уверенности, что парус способен пробудиться ото сна, зажать в тугую ладонь ветер и снова лететь «на быстрю чайку похож».

К образу паруса Р. П. Ругин обратился и в стихотворениях «Старый парус», «Под парусом», которые были переведены на русский язык И. Фояковым. Произведение «Старый парус» повторяет семантическую схему «Элегии»: в 9 катренах, написанных четырёхстопным ямбом с пиррихией, последовательно разворачивается меняющийся образ паруса. Первая строфа представляет старый и латаный парус, который достал отец из угла тёмного амбара. Взглянув на

него, лирический герой Р. П. Ругина вспоминает ощущение силы, скорости и полёта в лодке, в которой «<...> ветер схватывал ты ловко / В свою широкую ладонь!» [16, 251], был «Лучами солнца обцелован / И влажной пылью освежён» [16, 251]. Парус стал вестником великой победы, оберегал от лишних ссадин и мозолей рыбаков. Лирический герой радуется новой встрече с парусом, как со старым другом, который, выполнив свою миссию, честно и верно служа людям, обрёл покой. Последняя строфа звучит клятвой верности парусу, олицетворяющему все важные вехи в жизни лирического героя:

Хвала прогрессу! Честь мотору!
Пусть под винтом бурлит вода!
Пусть так – но парусную пору
Я не забуду никогда. [16, 251]

Стихотворение «Под парусом» в восьми катренах, написанных чередованием трёхстопного и четырёхстопного хорея с пиррихием, создаёт образ паруса, который мчит лодку «<...> словно птица, / По волнам спеша вперёд. / Лодка мчится, сердце мчится, / Ветер в парусе поёт!» [16, 275]. Мчащийся полёт лодки, противостоящей волнам, ветру, созвучен с эмоциональным настроением лирического героя, у которого «сердце мчится», окрылённое любовью; «Не догонишь – крылья слабы. / Слышишь, ветер-старина, / Нас теперь догнать могла бы / Лишь любовь моя одна!» [16, 274]. И это чувство любви дарует тепло и свет душе лирического героя.

Продолжает традиции элегического жанра в творческом наследии Р. П. Ругина произведение «Мысли, как полегла трава...». Лирический герой делится своей печалью, тем, что не даёт ему покоя: «В том селенье больше не живёт / Ни один из хантов. Там руины» [16, 97]. Во второй строфе воспоминания рождают живой образ селения, в котором «детство бродит босиком», но «очаги заснули» и лесная фея, «словно бы к руинам приросла». Используемая поэтом антитеза усиливает масштаб утрачиваемого и обостряет понимание потери лирическим героем Р. П. Ругина. Последняя строфа углубляет эмоциональное восприятие реальности. Опустевшее, заброшенное селение не способно дать душевных сил, увиденное разрушение вызывает только тоску:

Здесь бы сесть, устав от суеты,
Выпить чай, поговорить с друзьями,
С земляками... Но дома пусты,
Если это называть домами.
Знаю, как душой бы я окреп,

Мощный дух родной земли вдыхая:
Как изголодавшемуся хлеб,
Нужен мне покой родного края.
Хочется, как матери любимой,
Думы задушевные дарить.
И на крыльях ночи до зари
Я лечу в тоске невыразимой... [16, 98]

Похожие элегические настроения встречаются во многих поэтических произведениях Р. П. Ругина, в которых автор пишет о забвении народных традиций, о заброшенных селениях, об утрате связи человека с родной землёй, природой.

Часто в поэтическом наследии Р. П. Ругина элегические настроения усиливаются мотивами воспоминания или прощания. Именно воспоминания помогают лирическому герою окунуться в светлые дни прошлого. На контрасте прошлого и настоящего он обострённо остро осознаёт то, что ушло и уже не вернётся никогда. Мотив прощания закрепляет в герое понимание безвозвратности утрачиваемого. Так, в произведении «Мой старый дом» мы встречаем оба эти мотива. В первых стихах видим старый, заброшенный дом, в котором каждая деталь навевает светлые воспоминания: «По потолку ладонью провожу, / Потом беру знакомые предметы, / на шкуры, на капкан, на лук гляжу / и вижу детства светлого приметы» [16, 99]. Последние строки произведения звучат благодарностью за возможность ещё раз войти «в юности страну», и в то же время в них прощание с тем, что ушло навсегда: «Я плачу оттого, что в нём / родилась песня эта, как прощанье» [16, 99]. В произведении «Час воспоминания» поэт использует противопоставление «прошлое – будущее»:

Теперь всё чаще в прошлое гляжу:
Оно – моё: не выдаст, не обманет.
Подобно будущему – миражу –
Не отуманит и не одурманит.

В нём всё конкретно, зримо и земно <...>. [16, 218]

Такая пространственная схема позволяет вести рассказ о жизни, делиться радостью и горем, повествовать о судьбе. В последней строфе лирический герой обрывает свою историю: «Но хватит жалость вызывать к себе!» [16, 219], и определяет смысловой итог жизни, её награду: «За всё вознаграждён я был бы щедро, / когда бы точно знал, что проросли / Мои напевы в глубь родной земли / Надёжно, крепко <...>» [16, 219].

Иначе подходит к жанру элегии другой хантыйский поэт М. И. Новыхов. Он мыслит не только жанровым канонами элегии. Поэт экспе-

риментирует в свободном пространстве «памяти жанров», как это определил М. М. Бахтин. Трагические события в личной жизни М. И. Новьихова способствуют появлению лирического героя, воспринимающего мир сквозь призму разочарования, печали, горечи, несправедливости. В стихотворении «Занесло мои окна пургой...», адресованном брату Петру, поэт пишет: «За печаль ты меня извини, / Я невольно сдружился с тоскою. / Росомахой ползут мои дни, / Занесло мои окна пургою» [14, 17]. В тексте «Ни счастья, ни воли мне жизнь не дала...» лирический герой живёт желанием увидеть родные места и близких людей, но это желание так и останется мечтой. В последних стихах децимы он заключает: «Мне счастье людское судьбой не дано / и, видно, мечтою мне жить суждено» [14, 52].

Грусть и тоска становятся главными эмоциональными выразителями элегического состояния в лирике хантыйского стихотворца («Когда-то в таёжном просторе...», «Вот и я повстречался с уральской тайгой...», «Грусть» и др.). Лирический герой М. И. Новьихова признаётся, что грустит «непритворно» и это чувство усиливается холодом и тяжестью, которые рождает оторванность от дома: «Неуютно и грустно в чужой стороне... / И от мыслей таких мне ещё тяжелее» [14, 31]. Даже природа сурова и недружелюбна к незваному гостю:

Вот и я повстречался с уральской тайгой,
Познакомился с грубым пронзительным ветром.
Океан ледовитый у меня за спиной <...>. [14, 31]

В произведении «Грусть» первый катрен начинается с вопроса: «Откуда она берётся / это проклятая грусть?! / Сердце вот-вот надорвётся. / Эх, и тяжёл же груз!» [14, 34], ответ на который дан во второй строфе – это пустота и тьма, что живут в душе, лишают радости жизни. Последние стихи резюмируют размышления: «Как отвратительна жалость, / жалость к себе самому!» [14, 34].

Развивая элегические мотивы, М. И. Новьихов, как и Р. П. Ругин, обращается к образу паруса. В тексте «Вот вечер и ветер капризный...», состоящем из 4 катренов с перекрёстной рифмовкой, чередованием женской и мужской рифмы, написанных двустопным и трёхстопным амфибрахией, видим парусную лодку, которая противостоит разбушевавшейся стихии:

Мы в парусной лодке с сетями
пустились рекой в дальний путь.
Огромные волны за нами
разгневанным зверем бегут.

Бегут и шипят за кормою,
их взгляд неприязнью горит,
и, словно седой бороною,
хотят они лодку накрыть. [14, 18]

Парус, сравниваемый с птицей, со стрелой, уносит вдаль лодку и рыбаков, доставляя их к конечной цели. Соединяет М. И. Новьихов мотивы памяти и воспоминания с образом паруса в произведении «Память – это море, в нём на дне...». Поэт обращается к символике моря, как вселенной, которая вмещает «всё, что было дорого когда-то / словом всё, что в нашей жизни было...» [14, 18], которая соединяет людей. Свои надежды на счастье, на встречу с возлюбленной лирический герой воплощает через образ паруса:

Память – это море.

На его поверхность гордо, смело
всплыл сегодня друг мой – парус белый,
ласковые волны рассекает,
мне приветно мачтою кивает.

Я к нему навстречу устремляюсь,

Но... с лиловым парусом встречаюсь. [14, 19]

Поэт обращается в тексте к цветовой символике, которая усиливает эмоционально-смысловой контекст. Семантика белого цвета широко известна. Это цвет света, чистоты, радости, истины и откровения. И белый парус-друг обретает гармонию, целостность рядом с лиловым парусом, ведь лиловый цвет, обладая магическими корнями, символизирует настоящую любовь. Усиливается семантика этих цветовых символов серебристым и сиреневым оттенками, которые так же использует поэт в этом тексте. Так воплощается мечта лирического героя в произведении через символы.

Морскую тему развивает М. И. Новьихов и в стихотворении «Шумит прибой, поёт прибой...», объединяя её с темой природы. Антитеза помогает автору противопоставить грусть и нежелание осенних листьев, которым «<...> осенью не хочется / в дугу сгибаться, морщиться» и целенаправленность крутых морских волн, которые «<...> гордо пенятся, / идти обратно ленятся». В последнем катрене произведения, проведя параллель между миром природы и человеком, он подводит итог, философски взглянув на жизнь:

Вот так и мы порой живём.

Глядим вперёд, назад идём.

Самою жизнью вплетены

В нас моря гнев и стон листвы... [14, 27]

Мотив памяти лежит и в основе произведении М. И. Новьихова «Придавили память мне...». Именно он помогает увидеть лирическому герою родимый дом во всех его деталях

(ступеньки лестницы, комнаты, стены, пылинки), родного человека – мать. Остроту потери усиливает противопоставление тёмной и светлой комнаты. Память рождает воспоминания голоса матери, даёт ощущение её присутствия рядом и это вызывает боль в душе героя, который закликает: «<...> дай хоть на мгновение / сыну увидеть / добрую, заботливую, / ласковую мать» [14, 72]. Ему настолько необходима эта возможность общения, родственной связи, что он не скрывает слёз. Но герой осознаёт, что ушедшего не вернуть: «Затерялась молодость / в памяти моей, / лишь виденья тусклые / говорят о ней» [14, 73]. Похожие мотивы смертельной тоски по ушедшему родному человеку находим и в произведениях «Зачем тревожиться! Зачем негодовать!...», «Настоящая любовь». Образ кладбища, панихидность солнца, скорбь крестов рождает в душе лирического героя М. И. Новыхова смятение «первобытное», «<...> как будто к ней на призрачном коне / Подъехал призрак смерти ненасытной» [14, 80]. Он уверен, что не следует искать придуманного рая, что следует делать выбор, руководствуясь правилом: «Нас ожидают тысячи смертей, / Но лишь одна из них для нас возможна» [14, 80]. Продолжает размышлять о выборе поэт в произведении «Мне в лицемерье никогда не впасть...». И выбор этот очевиден для его героя, «без размышленья» – отчаянная страсть и смерть.

Элегические мотивы в лирике М. И. Новыхова связаны не только с печалью, грустью, мотивами воспоминания и тоски, но и с мечтой, которая концептуально реализуется через желание обрести свободу, увидеть родные места, встретить любимую. В произведении «Мечта» поэт соединяет мечту с мотивом одиночества.

Обсуждение и заключение

Традиции элегического жанра получили развитие в хантыйской литературе в творчестве двух поэтов – Р. П. Ругина и М. И. Новыхова. И если Р. П. Ругин создал «Элегию», следуя жанровому канону, то в наследии М. И. Новыхова мы можем говорить об отступлении от традиций жанра и уходе в стихотворения с элегическими мотивами.

Оба поэта обратились к образу паруса и через него развивали элегические настроения в художественных текстах. Р. П. Ругин использовал антитезу, усиливая масштаб утрачиваемого и обостряя понимание потери лирическим героем, а М. И. Новыхов применил цветовую (белый, лиловый, серебристый, сиреневый и др.) и предметную (луна, крест и др.) символику. В поэтическом наследии Р. П. Ругина элегические настроения усиливаются мотивами воспоминания или прощания, М. И. Новыхов же прибегает к мотивам памяти и одиночества. Оба поэта сосредоточились на единой пространственной схеме – «прошлое – настоящее», – помогающей герою обостренно остро осознать, как изменилась жизнь.

Трагические события в личной жизни М. И. Новыхова способствовали появлению лирического героя, воспринимающего мир сквозь призму разочарования, печали, горечи, несправедливости. Отсюда и образ истерзанной души. Грусть и тоска становятся главными эмоциональными выразителями элегического состояния в лирике хантынского стихотворца, лирический герой которого смотрит на мир сквозь собственные переживания, живёт и чувствует «на разрыв души».

Список источников и литературы

1. Артёмов С. Ю. Автор и жанр: элегия и её трансформация в поэзии И. Северянина // Автор – Текст – Читатель: теория и практика анализа: материалы Седьмых Международ. научн. чтений (Калуга, 29–31 октября 2020 г.). Калуга: Изд-во Калужского гос. университета им. К. Э. Циолковского, 2020. С. 486–495.
2. Артёмов С. Ю., Красоткин Д. М. Стихотворение А. Парщикова «Элегия» и его возможные прочтения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 1 (72). С. 7–13.
3. Вацуру В. Э. Французская элегия XVIII–XIX веков и русская лирика пушкинской поры // Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М.: Радуга, 1989. С. 27–49.
4. Глебович Т. А. Трансформация классических жанров в поэзии И. Бродского: эклога, элегия, сонет: дисс. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 205 с.
5. Зендер Е. Элегия А. С. Пушкина «Безверие» как барометр духовного состояния общества // 80-летие Елецкой Филологии: материалы междунар. научн. конференции (Елец, 17–19 октября 2019 г.). Елец: Изд-во Елецкого гос. университета им. И. А. Бунина, 2019. С. 123–127.
6. Зырянов О. В. Пушкинская феноменология элегического жанра // Известия УрГУ. 1999. № 11. С. 5–12.
7. Жаплова Т. М., Толкачев Д. В. Жанр «Батальной» элегии в лирической поэзии К.Р. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7 (73). Ч. 3. С. 36–38.
8. Козлов В. И. Русская элегия неканонического периода: типология, история, поэтика: дисс. ... докт. филол. наук. М., 2013. 418 с.
9. Косинцева Е. В. Жанр баллады в хантыйской литературе // Вестник угроведения. Т. 11. 2021. № 1. С. 44–51.

10. Косинцева Е. В. Жанр послания в лирике М. И. Новьихова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 2 (41). С. 74–78.
11. Косинцева Е. В. Жанр басни в творчестве М. И. Новьихова // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 67–73.
12. Литература и язык: современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. проф. А. П. Горкина. М.: Росмэн, 2006. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/5619/элегия?ysclid=lb6g7xzsx6110286250 (дата обращения: 12.11.2022).
13. Лу В. «Осенняя» элегия Николая Рубцова: мотивы, образы, символы // Русский Север – 2019: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сб. работ III Всерос. научн. конференции с международ. участием, посвященной светлой памяти учёного, заведующего кафедрой теории, истории культуры и этнологии ВоГУ, профессора, доктора историч. наук. Александра Васильевича Камкина (Вологда, Тотьма, 27 февраля – 03 марта 2019 г.). Вологда: Изд-во Вологодского гос. университета, 2019. С. 163–168.
14. Новьихов М. И. С надеждой на счастье. Лирика. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2012. 192 с.
15. Роговер Е. С. Изучение творчества Р. П. Ругина в школе. СПб.: Просвещение, 2003. 175 с.
16. Ругин Р. П. Избранные стихи. Екатеринбург: Средн.-Урал. кн. изд-во, 2004. 320 с.
17. Сорокина Я. А. Элегия в системе лирических жанров XVIII века: Опыт компаративного анализа: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1998. 273 с.
18. Токарева Г. А. О жанре элегии и элегическом модусе // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2017. № 1 (29). С. 7–11.
19. Хабибулина А. З. Элегия в русской и татарской поэзии XIX - начала XX вв.: категория времени // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1 (40). С. 67–74.
20. Douglas W. C. The pastoral elegy in English. Folcroft, Pennsylvania: Folcroft Press, 1970. 18 p.
21. Kay D. Oxford English monographs Melodious tears: The English funeral elegy from Spenser to Milton. Oxford: Oxford Clarendon Press, 1990. 296 p.
22. Rigsbee D. Style of ruin. Josef Brodsky and the Postmodernist Elegy. Westport (Conn.), London: Greenwood press, 1999. 169 p.
23. Sacks P. The English Elegy: Studies in the Genre from Spenser to Yeats. Baltimore: The Johns Hopkins UP, 1985. 385 p.
24. Smith E. By mourning tongues. Studies in English Elegy. Boydell press. Littlefield, Rowman: The Boydell press, 1977. 149 p.
25. Sugg R. The importance of voice: Gray's elegy // Tennessee studies in literature. Tennessee: The University of Tennessee press, 1974. Pp. 115–120.
26. Twentieth century interpretations. A Spectrum book Twentieth century interpretations of Gray's Elegy: A collection of critical essays. Prentice-Hall. Inc.: Englewood Cliffs, N.J., 1968. VIII. 120 p.

References

1. Artyomova S. Yu. *Avtor i zhanr: elegiya i ee transformatsiya v poezii I. Severyanina* [Author and genre: elegy and its transformation in the poetry of I. Severyanin]. *Avtor – Tekst – Chitatel: teoriya i praktika analiza: materialy Sed'mykh Mezhdunarod. nauchn. chteniy (Kaluga, 29–31 oktyabrya 2020 g.)* [Author – Text – Reader: Theory and Practice of Analysis: Materials of the Seventh International Scientific Readings (Kaluga, October 29–31, 2020)]. Kaluga: Izd-vo Kaluzhskogo gos. universiteta im. K. E. Tsiolkovskogo Publ., 2020. pp. 486–495. (In Russian)
2. Artyomova S. Yu., Krasotkin D. M. *Stikhotvorenie A. Parshchikova "Elegiya" i ego vozmozhnye prochteniya* [A. Parshchikov's poem "Elegy" and its possible readings]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of the Tver State University. Series: Philology], 2022, no. 1 (72), pp. 7–13. (In Russian)
3. Vatsuro V. E. *Frantsuzskaya elegiya XVIII–XIX vekov i russkaya lirika pushkinskoy pory* [French elegy of the XVIII–XIX centuries and Russian lyrics of Pushkin's time]. *Frantsuzskaya elegiya XVIII–XIX vekov v perevodakh poetov pushkinskoy pory* [French elegy of the XVII–XIX centuries in translations of poets of Pushkin's time]. Moscow: Raduga Publ., 1989. pp. 27–49. (In Russian)
4. Glebovich T. A. *Transformatsiya klassicheskikh zhanrov v poezii I. Brodskogo: ekloga, elegiya, sonnet* [Transformation of classical genres in poetry by I. Brodsky: eclogue, elegy, sonnet]. Yekaterinburg, 2005. 205 p. (In Russian)
5. Zender E. *Elegiya A. S. Pushkina "Bezverie" kak barometr dukhovnogo sostoyaniya obshchestva* [Pushkin's elegy "Faithlessness" as a barometer of the spiritual state of society]. *80-letie Eletskey filologii: materialy mezhdunarod. nauchn. konferentsii (Elets, 17–19 oktyabrya 2019 g.)* [80th anniversary of the yelets Philology: materials of the International Scientific Conference (Elets, October 17–19, 2019)]. Elets: Izd-vo Eletskey gos. universiteta im. I. A. Bunina Publ., 2019. pp. 123–127. (In Russian)
6. Zyryanov O. V. *Pushkinskaya fenomenologiya elegicheskogo zhanra* [Pushkin's phenomenology of the elegiac genre]. *Izvestiya UrGU* [Bulletin of the Ural State University], 1999, no. 11, pp. 5–12. (In Russian)
7. Zhaplova T. M., Tolkachev D. V. *Zhanr "Batal'noy" elegii v liricheskoy poezii K. R.* [Genre of "Battle" elegy in lyrical poetry by K. R.]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2018, no. 7 (73), part 3, pp. 36–38. (In Russian)
8. Kozlov V. I. *Russkaya elegiya nekanonicheskogo perioda: tipologiya, istoriya, poetika* [Russian elegy of the non-Canonical period: typology, history, poetics]. Moscow, 2013. 418 p. (In Russian)

9. Kosintseva E. V. *Zhanr ballady v khantyyskoy literature* [Genre of ballad in Khanty literature]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (1), pp. 44–51. (In Russian)
10. Kosintseva E. V. *Zhanr poslaniya v lirike M. I. Nov'yukhova* [Genre of epistles in the lyrics of M. I. Novjukhov]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [Topical issues of modern philology and journalism], 2021, no. 2 (41), pp. 74–78. (In Russian)
11. Kosintseva E. V. *Zhanr basni v tvorchestve M. I. Nov'yukhova* [Genre of fable in the works of M. I. Novjukhov]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (1), pp. 67–73. (In Russian)
12. *Literatura i yazyk: sovremennaya illyustrirovannaya entsiklopediya* [Literature and language: modern illustrated encyclopedia]. Ed. by A. P. Gorkina. Moscow: Rosmen Publ., 2006. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/5619/элегия?ysclid=lb6g7xzsx6110286250 (accessed November 12, 2022). (In Russian)
13. Lu V. “*Osennyaya*” elegiya Nikolaya Rubtsova: motivy, obrazy, simvoly [“Autumn” elegy of Nikolay Rubtsov: motifs, images, symbols]. *Russkiy Sever – 2019: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya: Sb. rabot III Vseros. nauchn. konferentsii s mezhdunarod. uchastiem, posvyashchennoy svetloy pamyati uchenogo, zaveduyushchego kafedroy teorii, istorii kul'tury i etnologii VoGU, professora, doktora istoricheskikh nauk Aleksandra Vasil'evicha Kamkina (Vologda, Tot'ma, 27 fevralya – 03 marta 2019 g.)* [Russian North – 2019: problems of study and preservation of historical and cultural heritage: Collection of works of the III All-Russian Scientific Conference with international participation dedicated to the bright memory of the scientist, Head of the Department of Theory, History of Culture and Ethnology of the Vologda State University, Professor, Doctor of Historical Sciences Alexander Vasilyevich Kamkin (Vologda, Totma, February 27 – March 03, 2019)]. Vologda: Izd-vo Vologodskogo gos. universiteta Publ., 2019. pp. 163–168. (In Russian)
14. Novjukhov M. I. *S nadezhdoj na schast'e. Lirika* [With Hope for Happiness. Lyrics]. Shadrinsk: Shadrinskiy Dom Pechati Publ., 2012. 192 p. (In Russian)
15. Rogover E. S. *Izuchenie tvorchestva R. P. Rugina v shkole* [Study of the creativity of R. P. Rugin at school]. Saint-Petersburg: Prosveshchenie Publ., 2003. 175 p. (In Russian)
16. Rugin R. P. *Izbrannye stikhi* [Selected Poems]. Yekaterinburg: Sredn.-Ural. kn. izd-vo Publ., 2004. 320 p. (In Russian)
17. Sorokina Ya. A. *Elegiya v sisteme liricheskikh zhanrov XVIII veka: Opyt komparativnogo analiza* [Elegy in the system of lyrical genres of the XVIII century: Experience of comparative analysis]. Moscow, 1998. 273 p. (In Russian)
18. Tokareva G. A. *O zhanre elegii i elegicheskomoj moduse* [About the genre of elegy and the elegiac modus]. *Vestnik KRAUNTs. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of the Kamchatka Regional Association “Educational and Scientific Center”. Humanities], 2017, no. 1 (29), pp. 7–11. (In Russian)
19. Khabibulina A. Z. *Elegiya v russkoy i tatarskoy poezii XIX – nachala XX vv.: kategoriya vremeni* [Elegy in Russian and Tatar poetry of the XIX – early XX centuries: category of time]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [Actual issues of modern philology and journalism], 2021, no. 1 (40), pp. 67–74. (In Russian)
20. Douglas W. S. *The pastoral elegy in English*. Folcroft, Pennsylvania: Folcroft Press, 1970. 18 p. (In English)
21. Kay D. *Oxford English monographs Melodious tears: The English funeral elegy from Spenser to Milton*. Oxford: Oxford Clarendon Press, 1990. 296 p. (In English)
22. Rigsbee D. *Style of ruin. Josef Brodsky and the Postmodernist Elegy*. Westport (Conn.). London: Greenwood press, 1999. 169 p. (In English)
23. Sacks P. *The English Elegy: Studies in the Genre from Spenser to Yeats*. Baltimore: The Johns Hopkins UP, 1985. 385 p. (In English)
24. Smith E. *By mourning tongues. Studies in English Elegy*. Boydell press. Littlefield, Rowman: The Boydell press, 1977. 149 p. (In English)
25. Sugg R. The importance of voice: Gray's elegy. *Tennessee studies in literature*. Tennessee: The University of Tennessee press, 1974. pp. 115–120. (In English)
26. *Twentieth century interpretations. A Spectrum book Twentieth century interpretations of Gray's Elegy: A collection of critical essays*. Prentice-Hall. Inc.: Englewood Cliffs, N.J., 1968. VIII. 120 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Косинцева Елена Викторовна, заместитель директора по научной работе, доцент, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14 А, каб. 305), профессор, Югорский государственный университет, доктор филологических наук.

Kosintseva_elena@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6695-0218

ABOUT THE AUTHOR

Kosintseva Elena Viktorovna, Deputy Director on Scientific Work, Associate Professor, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, Professor of Yugra State University (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A, office 305), Doctor of Philological Sciences.

Kosintseva_elena@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6695-0218